

Я хочу начать своё эссе с реплики по поводу уже опубликованного в этом издании семь лет назад текста Бориса

Херсонского «Лирический конформизм»¹. Это прекрасный текст, с понятным и чётким посылом. Но если попытаться быть абсолютно логичным и последовательным, то и его месседж можно разоблачить как конформистский. Конечно, исключительно с точки зрения главенствующих в нём модернистских установок о том, каким должен быть поэт. В современном мире уже нет точного совмещения образа и реального персонажа. То есть, буквально классический «поэт-поэт» сейчас смотрится как недоразумение, утрированный шаблон, тонуший в цифровом муаре.

Так, например, одна известная в узких кругах поэтесса – Евгения Бильченко, постоянно декларирует надрыв, истерику, не вылезает из публичных околополитических скандалов. И тем хуже, что делает она это абсолютно искренне, что равняет её поведение с болезнью. Она сравнивает себя с Цветасовой. Что, на мой вкус, как минимум, пошло. Также о восходящей патриотической «звезде» Анне Долгаревой ангажированные поклонники пишут: «Как будто встретил живую Ахматову». Лично мне не нравились подобные сравнения в мой адрес. Потому что я – это я. И желаю быть лишь собой, а не кем-то иным. К тому же трагические судьбы русских поэтов – не есть пример жизни для меня. Как и культ жертвенного трагизма в принципе.

Борис Херсонский пеняет современным российским поэтам на то, что они не противопоставляют себя власти. Что, собственно, так и есть. И только укрепилось сейчас, в 2021-ом году, во время апофеоза диктатуры, когда РФ стала первым и единственным в мире авторитарным образованием, существующим исключительно за счёт ресурса и военных. И даже не за счет пропаганды, идеологии и уж, тем более, литературы. Они оказались попросту не нужны.

Тем очевидней на этом фоне лично для меня та мысль, что само противопоставление поэта и власти является порочным элементом традиционалистской игры. Образ поэта для меня несёт в себе слишком много модернистской уязвимости, чтобы в конце концов он не стал мне тесен. Я не приемлю эту власть, но я сама желаю власти. Что необычно для архетипического поэта. И я желаю не только власти, но и, естественно, политического переустройства России в либеральном ключе.

Мне бы хотелось, чтобы все мы начали избавляться от шаблонного, штампованного мышления, где писатель, а тем более, поэт, есть не кто иной, как заложник жанра и общественных представлений.

Однако, если вернуться к теме конформизма в российских литературных кругах, я хотела бы отметить ряд моментов. Во-первых, я

¹ Борис Херсонский. Лирический конформизм. – «Эмигрантская лира», n° 2(6)-2014. – URL : <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/hersonsky-boris/hersonsky-boris-2014-6-2>. – Прим. ред.

больше не вижу стремления авторов быть некими значительными величинами. Если раньше каждый хотел быть Пушкиным, Бродским или хотя бы Сорокиным, то теперь людям достаточно небольших тиражей, набора публикаций в толстых журналах (для галочки), а получение премии – это и вовсе верх карьеры! Сужение планок личных амбиций прямым образом коррелирует с политической лояльностью.

Я наблюдаю отчетливую и последовательную деградацию русской литературы в принципе. Если в 1990-е она бурлила прогрессивными идеями и громкими именами, то сейчас пространство её схлопнулось. Вспомните Дмитрия Пригова, Алексея Парщикова, Егора Радова, Евгения Лапутина, Валерию Нарбикову и многих-многих других, сейчас уже незаслуженно забытых авторов. Ни их индивидуализма, ни их энергетики на нынешней русской литературной карте просто-напросто нет. Из достойных я могу назвать нижегородского поэта Евгению Риц, Ярослава Могутина (уже давно живущего в США) и ещё, пожалуй, совсем немного имен. О молодых авторах и вовсе не слышно. И не потому, что их нет. А потому, что литературный мир вернулся в унылое советское стойло.

Ещё в начале двухтысячных в одном модном книжном салоне я увидела, как «новые соцреалисты» делили премии для своих и говорили о том, как прекрасно мы будем жить в «новом дивном русском мире», где вновь возродятся производственная и деревенская проза! Поначалу я воспринимала все происходящее как элемент постмодернистской игры. Но двадцать лет путинского правления доказали, что серость, бездарность и глупость – есть наша подлинная реальность. Из которой лишь два выхода – эмиграция или революция. Засилье национал-патриотических графоманов от Прилепина до Шаргунова, отсутствие шансов и социальных лифтов для тех, кто не поддерживает текущий курс «партии и правительства», сделали свое дело.

Не так давно я встречалась с молодыми питерскими поэтами. И меня поразила их риторика от терминологии вроде «геополитика» до латентных попыток оправдания нынешней власти, на уровне примитивного социал-дарвинизма в духе «кто сильнее, тот и прав», «хочешь жить – умей вертеться» и тому подобное. Сути терминов они, конечно, не знают. Также мне показалось как минимум странным отсутствие радикальных амбиций и безусловное принятие нынешних литературных иерархий и возможностей. А возможности эти невелики – издание книг тиражом 200 экземпляров и в лучшем случае получение «престижной», но уже малоизвестной литературной премии. О переводах на Западе и всемирной известности речи даже не идёт. Такое снижение планок – есть обратная, низовая сторона отечественного конформизма. При котором одни пируют и тратят миллионы, а другие получают ошметки с барского стола.

Печально осознавать тот очевидный факт, что в нынешней культурной ситуации уже невозможно появление фигуры, подобной Иосифу Бродскому. И не с точки зрения личностного масштаба, а с позиции социо-политической. Россия, действительно, оказалась изгоем и ментальным, и смысловым. Необходимости в русской культуре и русских авторах в мире, в принципе, нет. На данный дискретный момент времени, это так. И этот факт необходимо констатировать.

Есть ли выход из создавшегося порочного круга? Есть. Мы должны начать ориентироваться не на довлеющий гул бессознательного, пасущегося на доставшемся нам всем в наследство культурном поле, а на отдельных субъектов, сосредоточенных более на себе и своих концептах, нежели на «общественно одобряемых» (читай партийных) трендах. Именно они станут точками роста новой культуры, которая уже не будет подавлять и принуждать, а будет лишь развивать и стимулировать. Таланты, а тем более, гении – всегда одиночки.

Что удерживает меня в России? Не любовь к языку, а обречённая впаянность в него. Вынужденность переводить нечеловеческие смыслы на человеческий язык. Как мальчик в тревожной «Сказке странствий» чувствовал золото, так с детства я чувствовала смыслы и слова. Вернее сказать – смыслами я обладала изначально, а слова, язык вообще ощущала некоей физиологической почти нутрию, вплоть до хруста хрящей. Поэтому, в пику Барту, я назвала писательство пыткой. И именно потому, что такое количество внутренних сил и страданий было истрачено мной на литературу, я не желаю нынешнего положения вещей, профанирующего самую мою суть.